

В.А.Ковалёв

Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского госуниверситета (vant_2000@mail.ru)

ПРЕПРИНТ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НЕ СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Некоторые политические перспективы и угрозы NBIC-конвергенции и «трансгуманизма»¹

Аннотация

В статье рассматриваются политические перспективы в связи с появлением принципиально новых технологий. Анализируется проблематика конвергентных технологий как новое направление социально-гуманитарных исследований. Поднимаются некоторые вопросы, в связи с особенностями дискурсов NBIC-конвергенции, трансгуманизма и иммортализма и их потенциальной опасности для общества и человека. Для анализа используются материалы трансгуманистического движения и фантастические произведения.

Ключевые слова:

NBIC-конвергенция, политическая ситуация в России и в мире, постдемократия, технократизм, технологические риски, дискурсы трансгуманизма и иммортализма, NBIC-конвергенция, фантастика, киберпанк, свобода человека.

HUMAN AND NOT TOO HUMAN

Some political prospects and threats of NBIC-convergence and "transhumanism"

V.A.Kovalev

The doctor of political sciences, the professor of chair of political science and the international relations of the Syktyvkar state university (vant_2000@mail.ru)

The summary

In article political prospects in connection with occurrence of essentially new technologies are considered. The problematic of converging technologies as a new direction of socially-humanitarian researches is analyzed. Some questions, in connection with features of discourses of NBIC-convergence, transhumanism and immortalism and their potential danger to a society and the person are brought up. For the analysis materials of transhumanistic movement and fantastic products are used.

¹ Статья отражает результаты работы по проекту «Социальные последствия конвергенции технологий: Междисциплинарный анализ, этические и политико-правовые проблемы», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ 11-03-00512а).

Keywords:

NBIC-convergence, political situation in Russia and in the world, postdemocracy, технократизм, technological risks, discourses of transhumanism and immortalism, NBIC-convergence, a fantasy, the cyberpunk, freedom of the person.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НЕ СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**Некоторые политические перспективы и угрозы NBIC–конвергенции и «трансгуманизма»²****В.А.КОВАЛЁВ**

— Вы предполагаете, что я — симулакр? Поверьте, я настоящий.

— По-моему, все симулакры так говорят.

Джон Райт «Золотой век» («первая космоопера XXI века»)

«Современная наука имеет своей целью минимум страдания и

максимум продолжительности жизни —

т.е. своего рода вечное блаженство,

правда, весьма скромное по сравнению с обетованиями религий»

(Фридрих Ницше.

«Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов»)

В статье анализируются проблемы современных конвергентных технологий и их возможных перспектив для человека и общества на примере некоторых ярких образцов современной фантастики, весьма популярной в условиях массовой культуры. В качестве объекта для анализа привлечены также тексты представителей движения так называемых «трансгуманистов», которые, по мнению автора, являются «нехудожественной фантастикой». Здесь использовался массив материалов, расположенных на сайте Российского трансгуманистического движения³ — и если нет специальной ссылки на какие-то факты и идеи, то, значит, что подробности стоит посмотреть на данном ресурсе. Не смотря на многие явно

² Работа выполнена по гранту РГНФ "Социальные последствия конвергенции технологий: междисциплинарный анализ, этические и политико-правовые проблемы" (Проект 11-03-00512а),

³ <http://transhumanism-russia.ru>

невероятные предположения и гипотезы, этот полет фантазии выполняет, на наш взгляд, очень важную роль в прогнозировании будущего, и в движении к нему по более безопасной траектории. Это обусловлено тем, что научная фантастика, как бы скептически не относиться к ней (дело вкуса!), является неплохим – дешевым и более распространенным – способом проигрывания сценариев будущего, нежели расчет заведомо неполных моделей, использования метода Делфи, форсайты, имитационно игровое моделирование и другие средства футурологии. (О средствах предвидения будущего см.: Переслегин, 2009, С.19 -29)¹

В этих сценариях автора прежде всего, интересовали политические перспективы внедрения новых технологий, например, в аспекте конвергенции нано-, био -, инфо- и когнитивных технологий (NBIC-конвергенции). Реализация научных идей в каждом из этих направлений, даже без учета явно фантастических сценариев далекого будущего, может быть очень опасным делом. Однако при конвергенции, взаимоусилении технологий NBIC – опасность уже в ближайшей перспективе может стать запредельной. И это – на современном социально политическом фоне! При всесторонней трансформации общества и в условиях развернувшейся глобализации и в ее рамках развернулась яростная схватка за будущее. Борьба идет за неограниченную власть, за глобальное влияние в СМИ и - за само будущее человеческого рода. Эта борьба уже сейчас концентрируется вокруг новых технологий, способных как усовершенствовать человека, кардинально изменить его, так и уничтожить – творцы и даже популяризаторы этих новых возможностей становятся активными участниками в этой развернувшейся битвы за будущее. Но обсуждение гипотетических перспектив имеет реальные последствия уже в настоящем. Виртуальная реальность грез, формирует «реальную реальность» суровых будней. С участием фантастики, футурологии и тех сценариев, которые проигрываются в этом поле.

Некоторые из этих сценариев привлекают наше особое внимание. Как уже указывалось, это социально-политические последствия новых технологий и политических искушений, перспектив и возможностей, как «справа», так и слева» для новой версии Сверхчеловека. Особенно опасным, по мнению самих трансгуманистов и сторонников подобных взглядов является период времени перед наступлением так называемой (гипотетической) Сингулярности, связанной с достижениями в области наномашин, радикального продления жизни, переделки самого человека и выхода на арену той или иной версии Искусственного Интеллекта. Но возможно, что этого «дивного нового мира» так никогда и не будет – катастрофа произойдет раньше. Не тогда, когда идеалы трансгуманизма реализуются на практике, а в связи с «пред-трансгуманистической ситуацией», из-за попыток реализовать эти идеи и трансформации политики, средств и методов борьбы за власть, с искушением людей уже не вполне человеческими возможностями, разрушающими саму их природу.

Возможен ли технологический выход из тупика постдемократии?

Когда автор работал над этой статьей, то на рабочем столе лежало немало книг; среди них рядом оказались две: «Постдемократия» Колина Крауча² и «Наше постчеловеческое будущее» Фрэнсиса Фукуямы. Не будем писать в связи с этим о случайности и/или неслучайности, но реальность «постдемократии» и перспективы «постчеловеческое общества» соединены более тесным образом, нежели просто соседство разных томов.

Разговоры о «кризисе демократии» давно стали общим местом; в развитых странах наблюдается существенное сокращение именно массового участия, самой «власти народа», когда сами демократические институты становятся во многом декорацией, но, тем не менее, без них современный политический спектакль не представим. К.Крауч назвал такое состояние «постдемократией» и связал его с переходом к «постиндустриальному» обществу, с существенной трансформацией прежних состояний. Он пишет: «Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно также постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии»³ (Крауч, 2010. С.9)

Насчет «сохранения черт демократии» есть серьезные сомнения (как декорация, наподобие республиканских учреждений в императорском Риме – может быть), Но при этом демократические институты, рассчитанные на масштабы национального государства не могут эффективно сдерживать олигархические тенденции и стремление к неограниченной власти в условиях развернувшееся глобализации. В развитых странах демократические институты сохраняются уже, во-многом, благодаря инерции предшествующего периода, но «представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов» (Крауч, С.19). Для произвола глобальных финансовых учреждений и ТНК, делящих мир, остается все меньше сдержек и на самом Западе, не говоря уже о мировой периферии и полу-периферии.

Ситуация в России выглядит еще хуже. Многочисленные критики российской политики, справедливо указывая на авторитарные тенденции отсутствие альтернативных выборов, коррупцию, и т.п., часто сопоставляют российский политический режим с западными политиями, полагая их неким эталоном, какой-то демократической константой. Но на самом деле это уже давно, мягко говоря, не совсем так⁴. Просто, Россия в очередной раз оказывается «слабым звеном» перед лицом новых глобальных политических угроз, (как это уже было с волной революционного коммунизма) и острее реагирует на глобальные тенденции к олигархизации власти. Это происходит, как в силу отсутствия соответствующего «задела», неразвитости политических институтов демократии, так и из-за несовершенства манипулятивных техник власти, побуждающих их прибегать к порой к грубому нажиму. (Это метод «отоваривать дубинкой по

⁴ Конечно, на Западе в некоторых головах еще живет дух свободы и демократии и книги типа трактата Милля «О свободе» еще не совсем забыты. Кое-где по инерции еще проходят достаточно конкурентные выборы. И многие политологи искренне верят в то, что они пишут о преимуществах демократических режимов. Но не эти люди командуют сейчас западным парадом.

башке», как изящно выразился премьер-президент; но более эффективные техники властвования в России быстро совершенствуются)

В мире политические тенденции все опаснее, а в России политическая жизнь, кажется, остановилась. Авторитарная олигархически-чиновничья диктатура, установившаяся в стране на неопределенный срок, субъективно воспринимается как «вечная». Для многих смертных она таковой и является. Многие прячут голову в песок – благо способов это сделать нынешняя медиаситуация предоставляет предостаточно – на любой вкус. Можно смотреть телевизор и верить в нацлидера, поддерживать ЕР, голосовать за «тандем» Но можно и уходить в сети, игры, хобби, фантастику или фэнтези, благо «патриотические авторы» предоставляют массу материалов для психологической сублимации – истории, где «наши» чудо-богатыри побеждают «поганых» одной левой. Виртуальная активность переходит в офф-лайн в очень незначительной степени. Может быть, новое поколение будет иным в своем политическом поведении, а то нынешние взрослые все играют-не-наиграются и прячутся-не-напрячутся от своего экзистенциального испуга, последствий «шока» в «лихие девяностые», сублимируемого верой в начальство. Не исключено, что подобные тенденции определяют и развитие новоявленной российской политологии, активно сейчас осваивающей методы интерпретации электоральной статистики. (Это-то в условиях отсутствия свободных и справедливых выборов – sic! Здесь же и довольно-таки бессмысленные призывы голосовать за «любую другую партию», кроме ЕР – опять предлагается спрятать голову в песок и поверить, что институт выборов в РФ еще существует⁵).

Для сторонников демократии и приверженцев политической свободы ситуация выглядит тупиковой и почти безнадежной. Социально-политические проблемы накладываются на технологические угрозы, и тогда становится совсем страшно. (Получается, как в старом анекдоте: «Есть два выхода из сложившейся безвыходной ситуации, реальный и фантастический. Реальный – если нам помогут инопланетяне, а фантастический – если мы справимся сами»). В условиях политического застоя сильнее дает о себе знать надежда на «инопланетян», то есть на некие технологические решения и научные открытия, которые будут способны опрокинуть сложившийся властный баланс, дать людям надежду на что-то новое. Или привести их к еще большей несвободе.

Разумеется, с новыми технологиями могут быть связаны и надежды на дальнейшую серьезную демократизацию. Еще Э.Тоффлер и другие рассматривал перспективы электронного голосования и расширения с его помощью участия граждан в принятии решений⁴. (См: Тоффлер, 1999) Но для этого, нужно согласие государства и общества на такой эксперимент. Данные голосования могут подделываться и в электронной форме, опыт с кабинками показал, что это даже удобнее. Конфузом закончился проект «электронного правительства» в РФ и регионах, не стоит ожидать наступления «свободы слова» с ростом числа телеканалов – бюрократия, освобожденная от политического контроля общества, ни хочет облегчать жизнь зависимым от нее людям.

⁵ Критика подобный взглядов: Ковалёв В. Шоу продолжается? // <http://igpi.ru/info/people/kovalev/1318052081.html>

Захватившими у нас центральную площадку «политическими учеными»⁶, демократия сводится к регулярному голосованию за представителей элиты, то есть понимается «минималистски»⁵ (Хантингтон, 2003), а политика несправедливо рассматривается как относительно автономная от экономики и технологий сфера. Если бы это было так, то и в мире, и в России, в этом своем качестве она развивалась бы совсем по-другому. Можно ожидать, что импульс к изменениям придет извне. Не исключено, что от возможностей новых технологий. Старая идея «исторического материализма» о «диалектике производительных сил и производственных отношений» не так уж и неверна. Хотя ее прямолинейное истолкование может привести к новым ошибкам.

Так, многие люди уже сейчас ищут свободы в Интернете – техника дает новые горизонты политической свободы. Многие говорят даже о «партии Интернета»⁷. Таким образом, реализуется мысль, что в информационном обществе, в отличие от индустриального, главной форма протеста будут уже не забастовки промышленных рабочих, организованных профсоюзами, а активность свободных юзеров, сбивающихся в социальные сети. Если сложившийся баланс не в чью-то пользу, то, следовательно, надо стремиться к разрушению этого баланса, хотя бы и под лозунгами «Больше технологий!», «Даешь трансчеловека», «Переходим в виртуальную реальность» etc.

Небольшая ремарка. Используя новые технологии можно оставить позади старые противоречия, не разрешая их напрямую. Поклонники НТР любят приводить пример того, как в 19 веке власти крупных городов были озабочены уборкой конского навоза в связи с использованием гужевого транспорта, а потом появились автомобили, и проблема решилась сама собой. Конечно, образовались пробки на дорогах, но это уже другая история. Однако ситуация может развиваться и по-другому. Например, для России очень долго стояла проблема относительного аграрного перенаселения. Землю делили, за нее дрались, проводили неудачные реформы, революционеры использовали лозунг «земля крестьянам», чтобы захватить власть, потом устраивали людоедскую коллективизацию и голодомор, обещали солдатам на фронте, что колхозы после войны распустят и – многое другое. Что же в итоге? Миллионы гектаров сельхозугодий сейчас стремительно выводятся из оборота, заброшены и зарастают. Если не брать борьбу за дачные участки вокруг городов, то эти миллионы гектаров никому в России не нужны, некогда перенаселенные деревни вымерли. «Аграрный вопрос» потерял в России свою сверхактуальность, но при этом проблемы продовольственной безопасности страны так и не решены до сих пор. Вот пример того, как в прошлом, в «тылу» остаются нерешенные проблемы, которые мешают двигаться дальше. Миражи

⁶ Которые представляют весьма агрессивную группу, стоящую на узкой платформе одной из версий либерализма, точнее либертарианства. Это не мешает представителям этой группы третировать взгляды своих противников, как «ненаучные» и подавлять их активность с помощью истинно «либеральных» методик – отводя денежные потоки, не давая развивать идеи, которые не укладываются в прокрустово ложе их политической философии, самой по себе довольно убогой.

⁷ Наша критика противопоставления «партии Интернета» и партии телевизора» см. (Ковалев, 2011) См.: Виктор Ковалев. Правда ли, что в России только две партии? //Slon.ru 03.02.11 <http://slon.ru/blogs/vkovalev/post/526495/>

«постиндустриального» общества с нерешенными проблемами общества индустриального – это из того же ряда. Хотя новые постиндустриальные технологии, в принципе, могут помочь разрешить старые противоречия, но часто это не происходит, с чем мы сталкиваемся в РФ каждый день.

Между прочим, есть хорошая кино иллюстрация на эту тему. В польско-японском фильме «Авалон» рассказывается о военной компьютерной игре, когда игрок полностью погружается в виртуальную реальность. Но при возвращении из виртуальности людей ожидают горы мусора, дребезжащие трамваи, обшарпанные стены, дефицит продуктов и прочие признаки социальной и экономической деградации. Уповать на чисто технологические решения без «подтягивания» институтов общества, весьма глупо.

Опасность здесь состоит не только в рисках связанных с самими технологиями и их необдуманном применением, но и в явной недооценке социальных последствий технологических революций. Границы и направленность применения технологий напрямую зависят от характера социума и политической власти. Так, в нынешней России мы сейчас имеем уровень и качество жизни намного ниже и хуже, чем могли бы, с учетом современных технологических возможностей. Коренная ошибка всякого рода футурологов в том, что они переоценивают техническую и недооценивают социально-политическую составляющую происходящих процессов. Наша убогая жизнь – это не недостаток технических решений для строительства и ремонта коммуникаций, а вектор расходов в интересах элиты. Ни одна экономика не сможет нормально адаптироваться к бесконечному воровству, строительству все новых резиденций для «элиты», огромной дани Кавказу и гигантомании в Сочи, на острове Русский и т.д. Технологии организации обслуживания, скажем, медобслуживания тоже блокируются безответственной бюрократией. Нет выборов – нет политической ответственности – это общая проблема и никакими компьютерами и электронными картами ее принципиально не решить. Поэтому смешно читать об электронном правительстве и чудо-возможностях современной медицины применительно к российскому контексту. Дело даже не в отсутствии денег, а в том, что всевластие бюрократии легко превращает в труднопреодолимое препятствие получение справок или попадание на прием в поликлинику. Несмотря на все распространение компьютеров. Этот разрыв между новыми техническими возможностями и диким отставанием в социальных технологиях, служит хорошим предостережением тем, кто уповает на развитие науки и техники, которые якобы в состоянии сами по себе решить социально-политические проблемы.

При этом можно относиться к трансгуманизму (утверждающему, что биологическая эволюция человека не завершена и человека надо всячески совершенствовать) и шире – к технократическим мечтаниям энтузиастов как к секте, но некоторые важные функции они выполняет – напоминает о роли науки и техники, в стране, где демодернизация идет по всему фронту. Скажем, шок будущего может рассматриваться на первом уровне как прямая, потом как линия вверх, потом по экспоненте, потом взрывной рост. Но линия может быть направлена и вниз. Скажем, состояние с нашим транспортом постепенно ухудшается (самолеты падают, пробки, поезда еле тащатся и т.д.), но потом советская инфраструктура рвется сразу во многих местах, следует необратимый кувырок в колодезь времени, на самое дно. Так уже никакие наномашинки уже не спасут, ибо, зачем дикарю с дубиной современный транспорт, искусственный интеллект

или хотя бы обычный принтер, а не 3D принтер, который уже сегодня в состоянии изготовить в домашних условиях массу предметов по заданному образцу. И в научно-техническом развитии возможны флуктуации вверх-вниз под влиянием самых разных факторов. П.Сорокин в свое время писал, что однонаправленного развития не существует, а есть лишь факторы колебаний – их и нужно изучать, не уповая на постоянное однонаправленное движение⁶. (Сорокин, 1992). Но, так или иначе, что-то на рубеже 2030 год должно произойти. Это опасная зона, которая может закончиться катастрофой, даже если график направлен вверх, а не идет вниз, как в РФ. Нас, безусловно, ожидает новый виток ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ. Это - в любом случае, но что будет потом. Сможем ли мы обновиться или канем в пучину эволюции безвозвратно? И точку сингулярности пройдет уже цивилизация птиц, в рамках которой через миллиард лет, будут изучать причины гибели цивилизации млекопитающих (Таков финал романа М.Суэнвика «Кости Земли»). Так что, желание воспользоваться принципиально новыми технологиями для выхода из нашего социально-политического тупика – это «и хочется, и колется, и элита не дает». Но искушение очень велико. В обозримой перспективе у нас будет теплиться великая надежда на технологии чуда – и это уже магия.

Современная магия – это крайне интересная тема⁸, о ней уже с энтузиазмом пишут социологи⁷ (Ионин, 2005, с.23 - 40) и вполне серьезно рассуждают экономисты. Так нобелевский лауреат по экономике, знаменитый институционалист Дуглас Норт утверждает: «в случае подлинно нового явления мы сталкиваемся с неопределенностью, последствия которой нам просто неизвестны. И в этом случае вероятность успешного снижения неопределенности зависят лишь от удачи, а игроки будут действовать исходя из иррациональных убеждений. И действительно иррациональные убеждения играют большую роль в социальных изменениях» (Норт, 2010, с. 39). А что такое эти «иррациональные убеждения», особенно, когда общество и отдельные люди решительно не готовы к стремительно наступающим переменам, если культурное наследие неадекватно «шоку будущего» - что будут делать люди? «Если соответствующее наследие отсутствует, они могут отвечать неподходящим образом или передавать проблему на суд магии и/или аналогичным иррациональным методикам»⁸ (Там же, с.35).

Таким образом, прошлое и будущее, наука и магия, «твердая» научная фантастика и фэнтези смыкаются перед лицом огромной будущей неопределенности. Тут убеждения, верования, идеологии и мифы людей становятся куда большим фактором направленности изменений, нежели рациональный расчет и научные планы.

«Левые» и правые» искушения для «Сверхчеловека» (По ту сторону человеческого добра и зла)

Несколько предварительных замечаний. Вспомним известное выражение, что мертвый хватает живого и не дает ему нормально жить. И российский, и глобальный морок имеет сходные

⁸ Автор также работает над статьей с рабочим названием «Политическая магия». Ее в современном мире не меньше, чем в первобытном обществе. Так, в постсоветский период распространение литературы направления «фэнтези» вполне соответствовало расцвету политического «пи-ара», который обещал наделить властью любого, кто заплатит, при условии доступа к магическому экрану

истоки. То, что давно изжило себя, продолжает существовать и не торопится уходить с исторической сцены, застилая глаза живых своей мертвой оболочкой. Но здесь, по поводу того, что «живое», а что «мертвое» - никакого единства наблюдаться не может. Кто-то скажет, что у нас это пресловутый «совок» оказывает свое воздействие на неблагоприятный ход либеральных реформ и мешает войти в цивилизованный мир. А представители другого идеологического окраса будут уверять, что это мир капитализма уже пережил себя (В.Ленин называл уже капитализм начала прошлого века «загнивающим и умирающим»). И теперь этот капитализм, вместо того, чтобы уйти, занимает «чужое» место и отравляет все вокруг своим трупным ядом, прикрываясь, маскируясь парфюмом изощренной рекламы и отвлечения внимания посредством масс медиа. Самое интересное, что и те, и другие будут по-своему правы.

У нас человек советский (пресловутый «Хомо Советикус») как культурный и антропологический тип мешает становлению новой русской нации и навязывает нам взгляд своих «мертвых глаз»⁹, что, в общем, укладывается в рамки интересов тех, кто эксплуатирует наши ресурсы в глобальных рамках. И советские авторитарные и бюрократические практики мешают экономической и политической модернизации РФ; и в глобальном масштабе нынешний порядок угрожает существованию человеческой цивилизации как таковой.

С другой стороны (это уже в формате 3D) , интересно посмотреть на проблему как бы из будущего. Ведь многие нынешние проблемы принимают совершенно другой вид, если продолжить ряд современных социальных тенденций и увязать их с грядущими технологическими изменениями, которые могут изменить привычное общество уже в ближайшие десятилетия.

Что же делать? Ответы ищутся не только высоколобыми аналитиками и учеными, не только политиками и государственными мужами, но следы этих поисков видны в ряде деятельности ряда разнообразных общественных движений, всплески такой интеллектуальной активности такого рода без труда можно обнаружить и в произведениях масс-культуры, разной степени таланта и глупости.

Что на наш взгляд отличает сегодня эти поиски. Мы бы предположили, что центр тяжести все больше смещается от надежд на преобразование социального устройства, от социальных революций к надеждам на изменение (совершенствование Природы человека). Характерно, что, скажем, российские трансгуманисты декларируют свою терпимость к разным идеологиям и само движение состоит из людей разных политических ориентаций – лишь бы это не противоречило целям движения и в будущем, например, признавались права личности, существующей на другом материальном носителе, нежели человеческое тело. Причем, в этих упованиях, будет сохраняться старое идеологическое размежевание, когда «правые» захотят укрепить и усилить старое «природное» неравенство, а «левые» будут мечтать о достижении всеобщего и более полного равенства.

Разумеется, коммунистическая идеология вновь оживает на новом этапе развития технологий и/или связывается с их ожидаемым внедрением. Ожидание «экономики изобилия» -

⁹ Образ взят из романа Джорджо Фалетти «Нарисованная смерть (глаза не лгут никогда)», где героиня видит прошлые события глазами, пересаженными ей от погибшего человека.

это нечто коммунистическое, хотя к вооруженному восстанию и социальной революции нынешние коммунисты в большинстве своем уже не призывают. Расклад здесь выглядит довольно предсказуемо. Люди испытывают определенные (весьма сильные) чувства страха перед новыми социальными революциями (с их кровавыми и разрушительными последствиями) и разочарование от реформ. Опыт революций, прежде всего той, что была устроена в России – но и других, напугал очень многих. Несмотря на огромные жертвы и потоки крови, результат улучшения жизни получился довольно скромный и достижения (например, советские научно-технические прорывы были куплены слишком дорогой ценой, а потом были обесценены (и приватизированы по бросовым ценам). В ситуации, когда нынешнее состояние выглядит неудовлетворительным, а на новые революционные эксперименты решиться трудно (да и нет для них предпосылок, прежде всего избытка народонаселения, настроений революционного энтузиазма и одержимости какой-то новой великой идеей. Если нельзя изменить мир посредством массовых социальных движений и социально политических идей, то почему бы не сделать это в частном, так сказать, порядке, а потом уже тиражировать достигнутые успехи.

Этой новой утопией могут увлечься люди разных идеологических устремлений. Гиперреальность по ту сторону современного человека манит как «правых», так и «левых». Это могут быть, условно говоря, как либералы, так и коммунисты. Духу либерализма идея прогресса человека и использования достижений науки никак не противоречит. Кроме того, усыпительный энтузиазм Ф.Фукуямы о победе либерализма во всем мире и конце истории оказался несостоятельным⁹ (Фукуяма, 1990). Либерализму и либеральным государствам были брошены новые опасные выборы, которые можно сдержать только при помощи научно-технического превосходства. Сдерживать эти вызовы в условиях «демографического отступления» населения так называемых развитых стран может, лишь имея принципиально более совершенные технологии – не только военные, медийные, которые покупаются и заимствуются. Но уже, и главным образом биотехнологические – путем, например, выведения более совершенного «хьюмена», который способен победить более многочисленных, но менее совершенных конкурентов.

Любопытно, что Ф.Фукуяма, провозгласив победу либерализма и исчезновение старых идеологических расколов (в силу вытеснения идейных конкурентов либерализма), тут же сам оказался участником нового кливажа – его записали в «биоконсерваторы». И он сам всячески оправдывает эту репутацию, утверждая, например, что «человеческая природа существует и это понятие является существенным. Оно создает стабильную преемственность нашего видового опыта. *Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов* (курсив мой – ВК), и поэтому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либеральной демократии и самой природы политики»¹⁰. Таким образом, отношение к новым технологиям придает привычному левому правому политическому континууму новое, «третье» измерение, делает этот раскол «стереоскопичным», а саму политику способно превратить в подобие трехмерных шахмат, описанных в одном из романов Олега Маркеева.

Традиционные левые и правые могут смыкаться против вмешательства в природу человека. Причем, можно достаточно уверенно предположить. Что «левых» в такой

трансформации (трансгуманистической и имморталистской перспективе) будут пугать новые формы неравенства, а правые консерваторы будут апеллировать к религиозным ценностям.

Но и правые, и левые могут поддержать изменение природы человека. Для левых – это новый шанс вдохнуть жизнь (пусть и искусственную, так сказать, в «киборгизированную» коммунистическую утопию, ибо при существующей природе человека коммунизм, как оказалось, не построишь. Для правых (таких правых, которые заправляют мировой и отечественной политикой сегодня) – это способ закрепить и увеличить социальное неравенство, сделать его «вечным».

Если биовласть народов третьего мира (и шире - «небелых») опирается на большее число рождений, молодость, помноженное на увеличивающуюся продолжительность жизни, то биовласть стареющего Западу придется сохранять, опираясь на современные лаборатории и новые прорывы НТР, связанные теперь уже не с ядерной физикой и космосом, но с генетикой и нанотехнологиями. Все это соответствующим образом выливается в медийное пространство, где Запад тоже доминирует, создавая кумулятивный, «конвергентный» эффект в борьбе за мировое господство.

В современных романах эти сценарии уже обыграны. Возьмем две российские антиутопии, которые на взгляд автора этих строк вышли наиболее удачными, и являются прорывами отечественной фантастики последнего десятилетия. В «Последней башне Трои» Захара Оскотского Запад применяет против стран третьего мира, исламских государств и Китая генетическое оружие, дабы уравнивать их численность, сделать его сопоставимым со странами белого мира, повысить уровень жизни оставшихся, уничтожив лишние рты (лишим большинство возможности размножаться, иметь потомство). В другом прорывном романе Кирилла Бенедиктова «Война за «Асгард» тоже предполагается, что Запад не будет сидеть и ждать пока его задавят числом и органами размножения. С борьбой за «права человека» и демократическими институтами покончено. Начинается так называемое «белое возрождение», а хозяева мира работают над проектом Стены, при помощи которой удалят лишние миллиарды из нашей реальности, совершив сдвиг во времени.

Таким образом, открывается политический путь «вправо», когда между классами, элитой и массами будет создана непреодолимая не только социальная, но и биологическая пропасть в области продолжительности жизни, способностей, здоровья и т.д. Корректируя природу (или Бога – как кому нравится), нынешняя олигархия закрепляет свой господствующее положение в новом «сверхобществе» на неопределенно долгий период времени. О свертывании демократии и переходе от национальных государств к новой реальности уже много пишут. В русскоязычном сегменте этих обсуждений, например, А.Фурсов постоянно говорит о государстве-корпорации, о структурах орденового типа о новой пропасти неравенства, которые идут на смену современному миру¹¹ (Фурсов, 2011). Но без внедрения новых технологий, без использования их мировой элитой в своих интересах, такой сдвиг невозможен.

Таким образом, сбывается мечта, ранее популяризированная в фантастических романах о сумасшедших ученых/богачах, становящихся властелинами мира с опорой на технику или сверхчеловеческие способности. Сейчас, скорее всего, на эту роль могут претендовать не

экстравагантные богачи-одиночки, а гигантские ТНК, укрепляя и закрепляя свое могущество при помощи новых технологий. Кроме того, как показал тот же А.И.Фурсов, государства все больше превращаются в «корпорации», неподконтрольные своим гражданам. Какие возможности злоупотреблений и наслаждений властью открывает такая перспектива в «крайне правом» варианте даже страшно предположить. Во всяком случае, с демократической традицией и перспективами демократического транзита людям придется распрощаться.

Прежде чем посмотреть на другую сторону политического спектра, укажем еще на одно интересное обстоятельство. В подобных сценариях (или даже просто в их обсуждении) заинтересован еще один игрок – технократы, часть научно-технического истеблишмента. Сценарию «власть ученых» пока не суждено было реализоваться. Плодами труда интеллектуалов пользуются другие. Технократические утопии – это, в том числе, и реакция на пределы политического (и другого) влияния экспертов, «яйцеголовых». Как пишет о несколько иной ситуации Д.В.Ефременко: «Даже в новой конфигурации пределы политического влияния науки выявились достаточно быстро. В этих условиях социальная коммуникация мегарисков, к появлению которых наука имела непосредственное отношение, явилось своеобразной компенсацией дефицита политического влияния, попыткой разрешить дилемму моральной ответственности научного сообщества за последствия научно-технической деятельности».¹²(Ефременко, 2006, с. 255)

Некоторых ученых и часть истеблишмента такая слабая сделочная позиция не устраивает. Иные изобретатели не прочь были бы почувствовать себя в роли «властелина мира». Понятно, что сознательно или подспудно это ведет к развитию и популяризации дискурса о постчеловечестве о прорыве в новую реальность. Где машины умнее людей, о сообществе киборгов и других уже не людей. В этих сообществах традиционные нормы власти уже не будут иметь значения и наука и техника, вернее те, кто будет распоряжаться ими, окажутся наверху пирамиды (пусть в будущем даже это будут машин /или не будут). Но сегодня в рамках такого рода прогнозов и фантазий вес технократов» увеличивается уже благодаря соответствующему, трансгуманистическому дискурсу («разговорам») о постчеловеческом будущем).

Аналоги этому имелись в прошлом. Скажем, можно вспомнить влияние «секретных физиков» в Советском Союзе, которые по-видимому, обманули Хрущева, и тот поверил в «термояд» и обещал советским людям коммунизм к 1980 году, но это обещание опиралось на надежды и мечты о неисчерпаемом источнике энергии, который дает термоядерный синтез. (Программа КПСС 1961 г.). Получается, что политбюро тоже было обмануто академиками. Ибо вряд ли положение о развитии термоядерной реакции записал в текст программного партийного документа референт ЦК КПСС, начитавшийся фантастики.

Напомним, что в той программе одно из основных фантастических положений выглядело следующим образом. В области науки, среди прочих, ставились задачи: «Изучение энергетического и топливного баланса страны, изыскание путей наилучшего использования природных источников энергии, разработка научных основ единой энергетической системы, открытие новых источников энергии и способы преобразования тепловой, ядерной, солнечной и химической энергии в электрическую, решение проблемы управления *термоядерными*

реакциями»¹³ (*курсив мой – В.К.*). Энергетическое волшебство было залогом социальных чудес, но коммунизм страна не построила, ограничившись ролью «энергетической империи», без всякого термояда.

Как известно, советские люди коммунизма не получили. Но «физики» получили набор благ и привилегий, невысказанных при «развитом социализме» для простого советского человека. Хотя власть осталась в руках номенклатуры, а «академики» остаются не столько ее частью, сколько обслугой. Но положение может измениться. Нечто похожее происходит и сегодня. И к подобным обещаниям надо относиться осторожно.

Мы снова переходим на «левый» фланг. Для «левых» перспектива усовершенствования человеческой природы может выглядеть тоже довольно привлекательной. Если кто помнит, еще в той же программе КПСС фигурировал тезис о «новом человеке», который бы соответствовал коммунистическим идеалам. Старый человеческий материал для них решительно не подходил. Сначала эту проблему хотели решить радикально и быстро, уничтожив враждебные идеалам нового мира» человеческие организмы и «перековав» остальных. Но это не получалось почему-то. Развернули программу коммунистического воспитания – тоже без особого успеха. Как только идеологический пресс ослабел, закончились и эксперименты с воспитанием нового человека. Но здесь ведь можно действовать и по-другому. Не через воспитание, а через биотехнологии. И такие опыты были, если вспомнить, к примеру, Сухумские опыты доктора Иванова с сыном, которые через скрещивание обезьяны и человека пытался вывести красного Франкенштейна – идеального солдата и работника для покорения мира коммунистическим интернационалом. (См. «Красный Франкенштейн» Олега Шишкина¹⁴ – Шишкин, 2003). В фантастике к тому же периоду, 1920-х годов относится роман Фёдора Ильина «Долина новой жизни», описывающий полигон в Гималаях, где ведутся опыты по выведению клонов и применению радия для завоевания мира. Кстати, проблема создания копий человека не является для коммунистической фантастики чем-то новым. Многие коллизии клонирования были уже давно описаны в романе Г.Гуревича «Мы из Солнечной Системы». Но реальные опыты коммунистов оставляют далеко позади многие фантазии.

В 21 веке биология шагнула далеко вперед – почему бы не повторить эти эксперименты на новой технической базе. Пока «империалисты» заменяют традиционную авиацию беспилотниками, а солдат американской армии в Ираке нагружают компьютерным оборудованием. Но пока они надеются на своих киборгов, мы (левые) воскресим коммунистическую утопию. Но это произойдет уже для нового усовершенствованного и преобразованного человека, ибо традиционный человек для коммунизма оказался непригоден, не перевоспитывался в нужном русле и не «перековывался» с желаемой скоростью.

В выступлениях людей, ратующих за новые технологии, прямо говорится о вмешательстве в мозг и наследственность человека с целью его улучшения – но в какую сторону и в чьих интересах? Взять, например, лекционные видеокурсы активных руководителей РТД Даниила Андреева и ли Валерии Прайд. (Подготовлены для т.н. Современного гуманитарного университета). Проблемы социальных и личных патологий предлагается решить простым путем – произвести биологическое или механическое улучшение уже живущих людей, а следующим

поколениям улучшить набор генов. Спрашивается, а что будет. Если «ремонт» генетического набора будет осуществляться не для улучшения человека, а для его безусловного подчинения?

Но пока эти предположения – все-таки крайности. Но и между ними есть огромное поле для экспериментов. Новые технологии открывают вроде бы бесконечные возможности для борьбы с болезнями, увеличения продолжительности жизни или для преодоления тех или иных социальных патологий. Очень часто в этих мечтаниях присутствует, так называемый «биологический детерминизм» и редукционизм, когда забывается и/или не уделяется должное внимание социальным и политическим последствиям этих опытов.

Мы не можем знать этого будущего, хотя с помощью фантастики и фантастических сценариев и прогнозов можно включить так называемую «сравнительную футурологию», которая бы проигрывала возможные сценарии, рассматривала бы последствия тех или иных биотехнологий и предостерегала бы от наиболее опасных. Здесь надо даже поблагодарить «компаративную футурологию». Таким образом, труд писателя-фантаста смыкается с работой ученого. Впрочем, и ученые или наукообразные все чаще выступают как авторы фантастических бестселлеров. В наукообразные одежды, например, любит рядиться уже упоминаемый «трансгуманизм».

Биополитика, «преодоление человека» и штрихи к «трансгуманистической политологии»

Научные достижения становятся средством контроля тогда, когда они воспринимаются как технические средства сохранения и продления человеческой жизни. Согласно популярному определению, трансгуманизм — философское течение, в основе которого лежит предположение, что человек не является последним звеном эволюции, а значит, может совершенствоваться и далее (возможно - до бесконечности). Последователи движения утверждают, что можно и нужно ликвидировать старение и смерть; значительно повысить умственные и физические возможности человека; изучать достижения, перспективы и потенциальные опасности использования науки, технологий, творчества и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей.

Ширящееся трансгуманистическое движение предполагает решительное совершенствование природы человека. Речь может идти о 1) собственно биологической природе через пересадку органов, клонирование и т.д. 2) о слиянии элементов или всего человеческого тела с механизмами и электроникой (киборгизация) 3) или об отделении освобождении от телесной и материально оболочки и сохранения сознания человека, к примеру. В электронных сетях – так сказать, превращение в бесплотный и всемогущий дух. На эту тему существует большое количество материалов, как в Сети, так и на бумаге¹⁵.

На трансгуманистической эмблеме можно видеть человека с крыльями, как символ неостановимости прогресса. Ничто не ново под луной. Еще английский фантаст Олаф Стэплдон в своем популярном в межвоенный период романе «Последние и первые люди» обозревал будущее человечества на миллионы лет вперед и выделял там эпоху крылатых людей, базировавшихся, кажется, на Венере.

Не касаясь многих подробностей идеологии и движения трансгуманистов, попробуем все же изложить один из аспектов, который придает этому течению рациональное на наш взгляд, зерно. Оно касается споров между теми, кто утверждает, что биологический прогресс человека закончен и теми, кто это отрицает. Но ведь проблема шире – речь может идти не только о биологическом прогрессе, регулируемым механизмами естественного отбора, но и биологическом регрессе, порче природы человека, в силу того, что механизмы естественного отбора не работают. Это увеличивает в рядах человечества количество людей с биологическими отклонениями, которые могут быть крайне опасны в социальном плане.

В прошлом забота о выведении здоровой человеческой породы порождала евгеническое движение и, к примеру, приводило к стерилизации людей с отклонениями. В третьем рейхе они просто уничтожались. Потом евгеника попала под подозрения и была свернута.

В какой-то степени эти опасения присутствуют и сейчас. Была, например, поднята проблема генетической дискриминации. Но есть и голоса в пользу неоевгеники – какого-нибудь «генетического социализма» с отбраковкой негодного генетического материала. С точки зрения Ж.-П. Дююи, конвергентные технологии должны радикально преобразить мир, в котором мы живем. Итогом их развития, на его взгляд, может стать превращение человечества в единый глобальный разум, способный как на лучшее, так и на худшее. Относится ли дискурс трансгуманизма к области научного предвидения или скорее к сфере научной фантастики? В современной России трансгуманисты, скорее, похожи на не очень известную секту. И часто воспринимаются так, даже многими из тех, кто о них слышал. Слишком силен контраст между тем, что окружает большинство россиян в действительности и рассказами о суперкомпьютерах чудесных биологических технологиях и т.д. Когда трубы ржавеют и лопаются и приходится ходить и ездить по выщербленному асфальту, то как-то не верится в будущие успехи НТП. Есть и ментальный разрыв. В 1960-е годы сознание значительной части молодежи и не только было захвачено перспективами НТР. Сейчас эти «перспективы» связываются с грандиозными аферами. Например, со сколковским «РосПилом». Поверить в то, что ограбившие страну чиновники и олигархи стали «Павлами», заботящимися о ее модернизации, никак не удастся. А «нанотехнологии» и так уже присутствуют в нашей жизни – «наномойки» на заправках, например. (Но, может быть, парадоксальным образом, это даже и к лучшему, когда увод миллиардных сумм не дает создать по-настоящему опасные наноизделия?)

Масштабная демодернизация России в 1990-е годы породила соответствующие настроения населения относительно будущего. Веры в то, что будет лучше, у многих нет никакой – слишком часто обманывали – обыватели просто хотят, чтобы ничего не менялось к худшему. И поэтому идея о бесконечном прогрессе вряд ли найдет широкое понимание в условиях российского неозастоя. Однако некоторые энтузиасты находятся, и свои упования они связывают с успехами науки и техники. Своих оппонентов трансгуманисты обвиняют в иррациональности, невежестве, косности, догматизме и страхе перед прогрессом и инновациями. Отчасти они правы в силу указанных выше общественно-политических обстоятельств.

Автору трансгуманистические идеи видятся утопичными и довольно иррациональными. И здесь, как раз очень кстати может оказаться научная фантастика, представившая на суд

читателей немало вариантов антиутопий, которые дают некоторое представление о том, к чему может привести излишний энтузиазм по поводу новых технологий. Успехи информационных технологий, генетики, биологии и биохимии и т.д. открывают такие возможности, по сравнению с которыми евгеническая стерилизация и «расовая гигиена» третьего рейха покажутся детскими игрушками. Все это тоже может стать грозной реальностью¹⁰.

К сожалению, в России эти вопросы сейчас должным образом не исследуются. Отчасти из-за общей деградации научного знания, отчасти в силу социально-политических условий, во многом, из-за давления пресловутой «политкорректности». При постановке этих проблем нам пока приходится повторять чужие повестки и следовать за чужими дискуссиями. Хотя и этой, «импортной» информации сейчас в избытке.

Подчас, политические аспекты новых технологий подаются как нечто безобидное, вроде это только лечение заболеваний и некоторые органические улучшения. В таком духе, например, была выдержана недавняя лекция Р.Бейли. Он сказал: «Может быть, вы говорите, что есть люди, у которых гены обеспечивают им некое преимущество перед другим людьми, в том числе и в политике? Есть люди, у которых больше ответственности, есть люди, у которых меньше ответственности, есть люди, у которых есть стыд, есть люди, у которых нет стыда, - и не обуславливается ли это генетическими характеристиками? Возможно, но политическое неравенство основано не на этом, политическое равенство обязует меня относиться к вам с правовой точки зрения, как и к любому другому, вне зависимости от генов, это правило появилось только в XX веке, его раньше не было. То есть гены могут означать разнообразие, а разнообразие - это и есть неравенство, но ведь мы все разные, мы выглядим по-разному, у нас у каждого свои таланты, у одного есть, а у другого - нет, это факт жизни. И эти технологии не обязательно усилят это неравенство, и даже если они усилят это неравенство, но при этом все люди будут признавать принцип политического равенства как философскую концепцию, тогда будет совершенно неважно, насколько мы все разнообразны, мы все равно будем справедливым и равным человеческим обществом, то есть ментальность в генах не живет, мы не можем изменить свои гены и стать более справедливыми, мы становимся справедливыми, потому что вокруг нас есть справедливость, потому что мы сами развиваем себя»¹⁶. (Бейли, 2011)

Однако же это слишком поверхностный взгляд на проблему. Еще Мишель Фуко утверждал, что механизмы власти обращены на тело, на жизнь, на то, что заставляет ее размножаться, на то, что усиливает род, его мощь, его способность господствовать или использоваться. О контроле посредством тела говорит и один из культовых героев противостояние современной глобальной «матрице» Д.Ассанж: «какими бы изощренными технологиями мы себя не окружали, наше тело останется тем же: уязвимым и чувствующим боль. Соответственно, оно может быть превращено в весьма эффективный инструмент контроля» (Ассанж, 2011)¹⁷.

¹⁰ Но российская реакция по этим поводам крайне недостаточна и вторична. Собственно мы давно уже потеряли не только экономическую, политическую, но и идейную, интеллектуальную инициативу. Научные работники переводят и повторяют то, что написано на Западе, придавая этому статус «научности». Своя оригинальная научная мысль в общественном сознании, со своей повесткой дня, темами, авторитетами, системой коммуникаций и т.д. в России практически отсутствует. Как будто страна, опускающаяся в «третий мир» не может себе этого позволить. Деградация здесь еще больше, чем у «технарей».

Правители продолжают оперировать телами подданных для укрепления власти над ними. И это касается не только прошлых эпох. Показ по телевизору кадров с жертвами терактов выполняет схожую функцию с публичными казнями на площадях. Площадная толпа или массовая телеаудитория радуется тому, что жертвами стали не они и испытывают подобие благодарности к «верхам», соглашаясь на отчуждение в их пользу еще большей части своей свободы. Однако если подобные действия ведут к переходу политики из публичной сферы, из области социальных и культурных отношений на уровень тел, «голой жизни», то успехи биотехнологий преобразуют сами тела. И если истинные рычаги политики глубоко скрыты от публики, да и тех, кто называет себя «политологами», то реальные результаты воплощения тех или иных действий на уровне биополитики позволяют яснее представлять себе ответы на вопрос «Кому выгодно?»

Джорджо Агамбен еще в «Грядущем сообществе» утверждал: «тело теперь – это не некое тело вообще, но уже и не индивидуальное тело, это не божественный образ, но и не форма живого – тело стало теперь воистину *любим*»¹⁸. (Агенбен, 2008). Это любое тело с вживленными чипами и искусственными приспособлениями становится при желании властей еще более удобным объектом для манипуляций, нежели телезависимая толпа. Представьте, что картинки и смыслы, выгодные правящей партии, можно передавать прямо в мозг, без всякой возможности для реципиента отключить надоедливую трансляцию. Новые формы контроля над поведением и сознанием, новое оружие, угрозы новых эпидемий и т.д. – все это при тенденциях современной политики становится более вероятным, чем образ рая, изобилия и сверхчеловеческих возможностей, которые рисуют энтузиасты трансгуманизма и т.п.

Собственно, уже многочисленные фантастические антиутопии, такие романы "Золотой век" Джона Райта, "Акселерандо", "Небо сингулярности" Чарльза Стросса, "Пламя над бездной", "Глубина в небе", "Конец радуг" Вернора Винджа, Серия "Космический апокалипсис" Аластера Рейнольдса и др. В России это довольно-таки известный «Трансчеловек» "Юрия Никитина (за этот роман, со стороны РТД автор удостоился похвал и приза) и произведения А. Лазаревича и пр. – подробно описывают опасности новых технологий.

И такого рода произведения для фантастического жанра не являются чем-то новым, они продолжают уже имевшиеся традиции. Авторы - «киберпанки» с своим соревнованием с так называемыми «гуманистами» за призы, тиражи и внимание читателей и критики на страницах своих книг уже давно, лет 20-30 назад проигрывали различные сценарии постчеловеческого будущего, в ситуации, когда машинный разум уступит машинному, человеческое тело растворится в искусственных имплантатах, разум уйдет в сети, схизматрицы и пр. обеспечат жизнь после смерти и т.д.

К произведениям художественной литературы, где поднимаются темы постчеловеческого будущего, относятся, скажем, произведения старой НФ: Айзека Азимова ("Я - робот"), Артура Кларка ("Конец Детства"), Станислава Лема ("Кибериада"). Это уже классика. Но есть и более поздние вещи, преимущественно относящиеся к такому направлению, как «киберпанк»: это "Нейромант", У. Гибсона, "Схизматрица", Б. Стерлинга, "Падшие ангелы мультверсума", Л.Алехина, "Мечтают ли андроиды об электрических овцах", Ф.К. Дика (есть известная экранизация «Бегущий по лезвию бритвы»), "Вакуумные цветы" М. Суэнвика и т.д.

На наш читательский вкус выдающимися художественными достоинствами эти тексты не обладают. Здесь господствует старая традиция НФ, когда замысел, научная или социальная идея доминируют над литературным воплощением. Читать все эти романы довольно тяжело и неприятно. Если относиться к описанному серьезно. То устаешь от бесконечного насилия, нечеловеческой (буквально) жестокости, всемогущества сверхтехнологических диктатур и отчаяния при сопротивлении одиночек, описания враждебных человеку форм жизни и проявления чужого разума, несчастливых (в человеческом понимании) и безблагодатных миров, охватывающих огромные временные периоды и захватившие значительные области Космоса. Будущее Земли также описывается таким образом, что там может понравиться разве что тем, кто хочет жить в аду.

Кинематограф также бросился осваивать этот прекрасный новый мир. Например, был экранизирован рассказ Гибсона «Джонни-мнемоник», а снявшийся там Киану Ривз потом прославился на весь мир, сыграв главную роль в знаменитой «Матрице». Фильм братьев Вачовски (особенно первая часть) вообще стал культовым. Философские проблемы в и библейские аллюзии, социальные прогнозы и эстетические вызовы заставили спорить об это ленте высоколобых интеллектуалов. Многие зарубежные и даже отечественные философы посвятили своей работы это ленте – возник как бы отдельный раздел в философской библиотеке «Философия «Матрицы»¹⁹ (Йеффет, 2003)

Сам автор этих строк относит к выбранной теме такие виденные им фильмы как «Фонтан», «Экзистенция», «Темный город», «Авалон», «Особое мнение» «Вечное сияние чистого разума», «Гаттака», аниме «Ренессанс» и «Паприка» и ряд других. Впечатления довольно мрачные и тягостные. Не хотелось бы жить в таком будущем!

В общем-то, большинство читателей и комментаторов справедливо восприняли эту грядущую гипер-реальность, как вариант антиутопии, сценарий, который нужно избежать. Что отражает разливы общего пессимизма по поводу своего будущего. Если кто-то смотрел американскую «Матрицу» уже взрослым, то он легко может вспомнить советскую детскую фантастику, книги и экранизацию Е.Велтистова, где мальчик-робот Электроник и его собака Рэсси поданы сугубо положительно, с оптимизмом и большой симпатией. Того радостного восприятия НТП сейчас нет и в помине; ныне, в основном, описание этих тем становятся неизбежной «чернухой». Кто не боится, кто-то воспринимает наступление прекрасного нового мира как нечто неизбежное. Но настроения не из приятных. Так должно быть чувствовали себя неандертальцы, вытесняемые кроманьонцами.

Опасность со стороны машин – это старый сюжет фантастики («Восстание машин» В.Брюсова), но новые технологии придают этой угрозе новую актуальность. Типичный пример, когда в фильме «Компаньон» дамочка, сочиняющая сентиментальные романы, после измены мужа покупает себе робота, которого не отличишь от человека, и сожительства с ним. Тот, после перепрограммирования из идеального мужчины превращается в монстра. Таких примеров масса, и они даже грозят самосбывающимся пророчеством. Разумеется, если будут развиты соответствующие технологии. Например, появится суперкомпьютер, равный по сложности

человеческому мозгу. Или человек встретится (активирует) зловеющий разум, который готов полностью уничтожить или полностью поработить род людской.

Вот пример описания интеракции между бедными людишками и новыми хозяевами Вселенной:

«Бежали дни. Зло прорастало в новые машины, и каждый час был дольше, чем все ранее бывшее время. Новорожденному оставалось меньше часа до вершины своего могущества, до неостановимого распространения в межзвездные просторы. Местных людей скоро можно будет удалять. Даже сейчас они становились неудобством, хоть и забавным. Некоторые собирались бежать. Дни и ночи напролет они погружали детей в анабиоз и грузили на борт контейнеровоза. «Подготовка к плановому отлету» — так они описывали эти действия в своих программах. Дни напролет они оснащали фрегаты под прикрытием наивной лжи. Кое-кто из людей понимал, что разбуженное ими может быть концом не только их жизни, но всего их царства. Были и раньше катастрофы, когда расы играли с огнем и сгорали.

(Вернон Стефан Виндж «Пламя над бездной»)

А относительно мирный эпизод отношений между людьми и не совсем людьми (сверх-людьми) может выглядеть примерно так:

«Когда Саджаки решил промыть тебе мозги. Думаю, это была моя ошибка. Я не должна была позволить ему даже включать установку для чтения мыслей. Когда Саджаки проверил характер твоих нервных окончаний, Похититель Солнца вошел в них и достиг механизма извлечения мыслей, закодировав себя там. Отсюда у него открылась возможность выхода в любую другую систему корабля.

(Аластер Рейнольдс «Космический Апокалипсис»).

Вот, что происходит с существами, обитающими в реальности, которая отличается от привычной в нашем мире:

«они просто созрели в среде, где информация не пропадала, если только кто-нибудь этого сознательно не хотел, где смерть и разрушение были обратимы. Где волшебная палочка действовала, а галлюцинации жили своей жизнью и были опасны. Реальная вселенная играла по другим правилам - по тем, от которых в ужасе удрали их предки»

(Чарльз Стросс «Небо сингулярности»)

Или под небом новой сингулярности новые ограничения соседствуют со старыми пороками землян:

Добро пожаловать в Бургундию. По червоточинам в пространстве, проделанным Эсхатоном, мощным богоподобным разумом, порожденным в период сингулярности, люди бежали со старой Земли в бесчисленные миры, разбросанные по области поперечником шесть тысяч световых лет. Некоторые из этих миров, в том числе и Бургундия, связаны между собой:

люди и грузы перемещаются на космических кораблях, а информация — по сети мгновенных, но ограниченных полосой пропускания казуальных каналов, раскинутой Фестивалем.

Бургундия — это развитая, несколько интровертная цивилизация, покоящаяся на согбенных спинах нарочно созданного пролетариата. Первый же малость богоподобный искусственный разум, явившийся на Бургундию после ее вторичного открытия, запретил корнукопии и поработил людей, что они стерпели, поскольку самые изощренные прихоти Царицы не шли ни в какое сравнение с гнетом их собственных вождей.

Бургундия завоевала себе умеренную известность как информационный буфер — побочный эффект параноидального страха ее самодержицы перед злокозненными посягательствами других божеств. Эта держава экспортирует конфиденциальность, буферы для линий задержки, тонкие вина и диссидентов. Иными словами, это последнее место, какое может привлечь фьючерсного дельца, специализирующегося на перепродаже двойных опционов главного сектора рынка искусственных интеллектов, то есть кого-нибудь вроде меня. Но с другой стороны...

Как экономист, специализирующийся на решении методом монте-карло задач для больших, слабо определенных систем, я представляю вполне естественный интерес для Царицы, почему та и послала мне предложение, над которым в нормальное время я бы десять раз подумал; в тех же обстоятельствах, в каких я был на Дордонье, — при постоянно висевшей надо мною угрозе — отказ показался мне неоправданной роскошью. В попытке защитить эту монархию от возможных атак переполнением буферов и алгоритмической сложностью на Бургундии запрещены многие технологии.

(Ч.Стросс. «Медвежий капкан»)

Даже этой небольшой подборки примеров достаточно, чтобы увидеть, что в принципе, те дискуссии по поводу человеческого и постчеловеческого будущего, которые сейчас ведутся среди ученых разных специальностей – от гуманитариев до технарей – уже были неоднократно проиграны в произведениях писателей фантастов. Особенно зловещее будущее обещает нам (или предупреждает против него), киберпанк, который мы уже неоднократно упоминали. А в чем суть данного направления в фантастике?

По нашему мнению, наиболее точную, если не исчерпывающую характеристику киберпанка дал один из классиков этого направления Брюс Стерлинг: «Почти все, что мы делаем с крысами, можно проделать с человеком. А с крысами мы можем делать многое. Об этом нелегко думать, но это правда. Она не исчезнет, если мы закроем глаза. Это и есть киберпанк». Цит. по эссе Рустама Сабинова: (Сабиров, 2005)²⁰

Но почему же с человеком можно проделывать то, что делают экспериментаторы с подопытными крысами? По многим причинам, но, прежде всего, в силу того, что одни существа (уже не люди) относятся к другим как к лабораторным животным, превосходя их интеллектом, операционными возможностями и не ощущая никакой родовой близости. Это – постчеловеческая политика.

Главная опасность, на наш взгляд, связана с тем, что элиты приобретут, улучшая себя разными способами, практически сверхчеловеческие способности, тогда как массы останутся на прежнем, «слишком человеческом» уровне или даже станут утрачивать его.

Немного о кануне NBIC-конвергенции, сопротивлении и достоинстве человека

Итак, что происходит в условиях конвергенции нанотехнологии, биотехнологии, информационных и когнитивных технологий? (*О НБИК-конвергенции – статья Д.Ефременко и др. – дать соответствующую ссылку, когда будет*).

Как пишут эти авторы: «К числу проблем, являющихся потенциально значимыми для философии, социологии и других социально-гуманитарных дисциплин, относится феномен конвергенции технологий, и, в частности, прогнозируемая конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC). Прежние конвергенции, начиная с объединения научного знания с технической деятельностью в начале индустриальной революции и заканчивая важнейшей технологической конвергенцией XX века – возникновением информационно-коммуникационных технологий, – породили ожидание чуда, прорыва, имеющего неисчислимы социальные последствия. Прогнозы последствий NBIC-конвергенции также звучат многообещающе, хотя горький опыт техногенных катастроф последних десятилетий дает пищу и для апокалипсических сценариев. В конечном счете, следствием NBIC-конвергенции может стать технологическое преобразование человечества в единый глобальный разум, способный как на лучшее, так и на худшее. NBIC-конвергенция при таком понимании приведет к почти мгновенному в историческом масштабе высвобождению потенциала человека – потенциала как разрушительного, так и созидательного»²¹ (Ефременко и др., 2011).

На наш взгляд, социально-политические последствия новых технологий пока мало учитываются. Энтузиасты спорят о технических возможностях и перспективах обретения этих чудо технологий, а их последствия для общества и человека анализируются преимущественно в философском плане²² (Аршинов, Горохов, 2010). В принципе, мы ничего не имели бы против «трансгуманистической политологии», о которой уже пишут отдельные энтузиасты¹¹. Возможно, это связано с тем, что прогнозы по поводу «сингулярности», искусственного разума, усиления интеллекта, генетической перестройки и бессмертия - пока справедливо относят к области фантастики. Да и нынешние прогнозы на эту тему не являются чем-то принципиально новым. Скажем, автор этих строк, еще в детстве читал рассуждения Артура Кларка о том, что через несколько десятилетий люди будут не только летать на Марс, используют наномашин, но создадут искусственный разум и обретут бессмертие.¹² В этом плане прогноз ученого и фантаста Вернора Винджа отличается от пророчеств ученого и фантаста Артура Кларка прежде всего технологическими деталями, которые прояснились за несколько десятилетий развития науки и техники, но не принципиально. Сам В.Виндж в своем знаменитом эссе рассматривает вариант, когда Сингулярность может и не наступить. Прежде всего, это может быть связано с переоценкой на несколько порядков возможностей людей по созданию компьютеров и сетей, не уступающих по

¹¹ См. об этом: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/45/110/>

¹² Некоторый перечень этих пророчеств можно посмотреть на: <http://www.bibliotekar.ru/nauka/19.htm>

сложности человеческому мозгу. (Виндж, 2004). (Статью Винджа публиковал журнал «Компьютера»²³, ее легко можно найти в сети и по другим адресам).

И пока, таким образом, в рамках принятого научного анализа нельзя всерьез рассматривать вопрос о том, что придет раньше: развитые молекулярные нанотехнологии или сверхчеловеческий ИИ - это не представляется вполне корректным. Но подобные проблемы, даже из гипотетического грядущего, будут все более сильно влиять на текущую реальность.

Оптимисты успокаивают – Интеллект никогда не перешагнет границу, уравнивающего его с человеческим разумом. Машина никогда не научится думать как человек. Возможно, создание полноценного (или сверхчеловеческого ИИ) - задача неимоверной технологической сложности. И может быть, нашему поколению, по крайней мере, беспокоиться пока не о чем. Машина может сделать с нами то же, что и мы с природой. А мы сделали очень много плохого. Но пока главная угроза не стороны машин и обретших разум суперкомпьютеров, а со стороны таких же, с позволения сказать, сапиенсов.

Опасность распространения новых технологий не столько в их мощности, сколько в их одностороннем присвоении и искушении использовать. Нечто подобное было в международных отношениях после изобретения атомной бомбы. Но теперь правители отдельных государств и/или «глобальная корпоратократия» (или что-то в этом роде) может подавить почти любой гражданский протест. Послушаем еще раз, искушенного в этих вопросах Джулиана Ассанджа: «Даже личное оружие теперь не является надежной защитой граждан от произвола со стороны государственного монстра ... «технологический разрыв между государством и гражданами вырос настолько, что вооруженный пистолетом американец больше не является оппонентом для системы, обладающей лазерным, ультразвуковым, электрошоковым, микроволновым и прочим инновационным оружием – я уж говорю о государствах, где оружие и вовсе запрещено. В этом смысле физически подчинить большие массы населения становится все проще. Все же лично я думаю, что у суперэлиты не будет необходимости прибегать к столь brutальным и потенциально непопулярным управленческим методам. Во-первых, как я уже говорил, такая диктатура будет неэффективна с экономической точки зрения: в долгосрочной перспективе раб не может составить конкуренцию свободному человеку в производительности труда. А во-вторых, для подавляющего большинства граждан вполне достаточно будет «мягкого» давления. Представьте человеку выбор между сытостью и комфортом с одной стороны, и маргинальным существованием голодранца-изгоя – с другой. Полагаю, понятно, что выберет подавляющее большинство. Исключениями будут единицы, и с ними можно будет запросто сделать то, что сейчас пытаются сделать с WikiLeaks»²⁴

Внимание граждан во всем мире занято воспоминанием об «11 сентября», мифической «Аль-Каидой», плохо сделанной аватаркой Бин Ладена и т.п. Характерно, что биополитика такого рода в деятельности современного государства продолжается постоянно. И в этом смысле, возможно. Д.Аганбен прав, когда указывает на то, что чрезвычайное положение « в современной мире, в том числе в развитых демократических странах стало постоянным. А висящая как дамоклов меч угроза все новых терактов (они периодически случаются вновь и вновь, чтобы людишки не забывали) – это проявление шмиттовского *чрезвычайного положения*»²⁵ (О постоянстве чрезвычайного положения – (Аганбен, 2011) и реализация понимания его понятия

«политического»²⁶ (Шмитт, 1992). Например, в современной РФ шмиттовские проявления «реальной политики» выглядят откровенно карикатурно, но оттого не менее зловеще.

Здесь, как и во всем мире, моральная нечистоплотность и беспринципность элит, разрыв между «верхами» и «низами», многократно усиливаются возможностями современных медиа. Много раз повторено, что современная политика – это, прежде всего, медийная политика, связанная с новыми информационными технологиями. Следовательно, и для того, чтобы как-то противостоять этому давлению, надо играть на этом поле, другие средства малоэффективны.

Трудно не заметить, что традиционные средства партийной политики, профсоюзного давления, парламентских дискуссий и т.п. становятся все менее и менее успешными в условиях даже западной «постдемократии». О «реальной политике» в РФ нечего и говорить. Приходится констатировать, что все попытки повлиять традиционными средствами на политический курс «верхов» в постсоветской («постиндустриальной») России потерпели поражение. Оппозиция носит декоративный и блокирующий протест населения характер.

Всяческие попытки создать сколько-нибудь массовое и влиятельное оппозиционное движение в России последовательно проваливаются, как из-за противодействия властей и постоянных провокаций, как из-за неспособности людей договориться о совместных действиях, так и по причинам объективным, связанным, скорее всего, с изменением характера коммуникаций и рационального политического действия. Обратим внимание на то, что культовый герой современного мира, борющийся против глобальной лжи Д.Асандж, фрагменты интервью с которым мы цитировали, является ХАКЕРОМ. Руководитель ВикиЛикса, как и герой-хакер романа У.Гибсона «Нейромант» противостоит подавляющей человека Системе. Хакером является и Нео, герой «Матрицы». Он, вместе со своей подружкой Тринити и экипажем «Навоходонусора», а также сохранившими человеческий облик последними жителями Зеона борется против новой разновидности тоталитаризма – софта «Матрицы», охватывающей всё и вся. Следует ли из этого, что не в виртуальной, а в настоящей реальности, массовая политика тоже уступает место подвигам героев-одиночек, способных потягаться со всякого рода «матрицами» в навыках борьбы за информацию? Кстати, в 1980-е годы, когда вышел «Нейромант», а Интернет еще не начал свой стремительный рост по экспоненте, слово «хакер» еще не приобрело нынешнего негативного оттенка, и означало человека, который может творить всякие чудеса на компьютере.

Во всяком случае, вопрос о новых, сетевых, формах организации оппозиции в информационном обществе стоит очень остро. Ставки в этой игре как никогда велики. Ведь если спросить, например, о нравственных коллизиях для современных «элит», то есть, не будут ли они морально страдать из-за того, что продлили себе жизнь (молодость) за счет жизни и здоровья других людей, то, кажется, эта проблема эту породу заботить не будет и не заботит. Так многие нынешние олигархи заинтересованно финансируют исследования в области стволовых клеток. Геронтологии и т.д., одновременно урезая своим работникам зарплату, а временами вовсе ее не выплачивая. Похоже, мы имеем здесь дело не совсем с людьми, ощущающими человеческую солидарность, а с существами какого-то другого рода, «чужими», «хищниками»²⁷ (Ковалев, Долгов 2011)

К слову сказать, недаром в современной массовой культуре так популярны всякого рода сказки про вампиров. Если подумать, то вампир – это же признак, образ современного олигарха. И оправдание готово – не со зла он пьет кровь из людей, высасывая жизненные соки из экономик и разоряя целые регионы. Но природа у них такая – скупить по дешевке нефтяные скважины, а потом после их истощения, продать государству за несколько миллиардов. Это же естественный аппетит и желание денег, как у вампира жажда крови. И если даже герои «Сумерек» (знаменитая вампирская сага, о которой недавно международным коллективом авторов выпущен философский сборник²⁸) есть какие-то нравственные коллизии, то у «абрамовичей» - вряд ли.

Разумеется, такое отношение, приводит к быстрому разрушению социального пакта между верхами и низами, на которых строится в принципе современное демократическое и социальное государство, к эрозии абстракции «общественного договора». Разрушение системы социальных гарантий и государства «вэлфера» может привести к новому витку насилия уже в центрах цивилизации и экспансии всепланетного насилия.

Но если в современном мире веберовского легитимное насилие со стороны национального государства все более уступает место биополитике. Биовласти и «чрезвычайному положению», то нужно быть последовательным в своих размышлениях. Выстраивая дискурс «политического» в духе видного представителя политико-правовой мысли Третьего рейха, мы должны вспоминать не только о «чрезвычайном положении», но и о фигуре «партизана»²⁹ (Шмитт, 2007). Хакер-Партизан, а не партийный вождь встает на пути нового мирового порядка и прекрасного нового мира.

Тотальной информационной и биовласти с ее безграничной мощью в рамках NBIC-конвергенции, можно противопоставить фигуры разнообразных «партизан», который будет бороться против этой власти до конца. В массовой культуре и фантастических произведениях эта тема тоже популярно обыгрывается. Пока на Земле нет такого рода власти, ее возможности проецируются на кого-то другого. Конечно же - на инопланетян. Характерно, что совершенно трэшевый и заезженный сюжет о захвате нашей планеты инопланетными монстрами приобретает сегодня новые краски. В массовом сознании как бы оживает проблематика философской антропологии – о природе человека, об открытии человека миру, о принципиальной биологической уязвимости человека, которая компенсируется прогрессом другого рода – не только техническим, но и интеллектуальным и нравственным. Но на пороге фантастически возможного перехода из человеческого состояния в пост-человеческое, в виду постоянно муссируемой масскультом темы «контакта» и т.д. людям постоянно приходится оценивать свои природные возможности и находить их не очень впечатляющими. Тестируя себя, приходим к выводу о том, что мы как биологический вид несовершенны. Пользуясь этим несовершенством, может возникнуть искушение самопорабощения или согласия с порабощением со стороны более развитой цивилизации (своего рода смердяковщина, популярная в нынешней РФ: «умная цивилизация покорила глупую» - только в более широких масштабах).

В этой связи мы выделили два американских сериала. «Визитеры» и «Рухнувшие небеса» («Сошедшие с небес»). Сюжет там сходный – на Землю прилетели представители другой более развитой цивилизации с целью порабощения людей и ресурсов планеты. В первом случае пришельцы действуют хитростью, во втором – сразу силой. Люди берутся за оружие... О первом

из этих фильмов нам уже приходилось писать³⁰ (Ковалев, Долгов, 2010, с.35 - 48). В нем пафос Сопротивления – это наиболее сильная составляющая «V», несмотря на все несуразности сценария и режиссуры. В сериале немало эпизодов, над условностью которых можно посмеяться, но которые, при «наивном» восприятии заставят сжаться сердце. Эти эпизоды связаны с моментами, когда отдельные люди решаются на борьбу, на противодействие превосходящей силе, в обстоятельствах неблагоприятных и прямо безнадежных. Они теряют друзей и надежду, их предают окружающие и высмеивают СМИ и «моральные авторитеты», порой кажется, у них вообще нет шансов. Но – они борются за себя и за остальных и стремятся победить хотя бы на отдельных участках"

«Сошедшие с небес» по художественным достоинствам слабее "Визитеров", сначала показалось как-то наигранно, но потом становится интересно. Тема-то самая актуальная - как сопротивляться многократно превосходящей силе Чужих, на что надеяться, как при этом остаться собой... Наше несовершенство заставляет нас быть, как говорили представители философской антропологии, «открытыми миру», что и приводит, в конце концов, к осознанию ценности свободы. И дело, конечно, не в ящерах...

Но новые фантастические возможности и опасности ожидаются не по отдельности, а, так сказать, в пакете, исходя из наших сегодняшних знаний, ученые предположили, что это может быть НБИК-конвергенцией. Что будет, если диктатура бюрократии дополнится новыми фантастическими возможностями, даже страшно представить. Смесь фантазий Хаксли и Оруэлла, судя по всему. Как быть с глобальным, и НЕПРЕОДОЛИМЫМ неравенством?

Энтузиасты трансгуманизма, проблему это слабо понимают. Хотя их эксперты пишут целые книги о сценариях конца Света.

Например, они часто говорят о технологиях улучшения человеческой природы. Допустим. Но как общество отнесется к избранным и улучшенным. По тому, что мы знаем о человеческой психологии, люди готовы допустить сейчас помощь инвалидам, то есть несчастных восстанавливают до состояния нормы – и это морально. Возьмем, например, ситуацию в современном спорте. Скажем, преследуется допинг. В то же время, как применение лекарств для лечения болезней и травм – нормально. Помочь больному и увечному – это одно, но как смириться с тем, что «улучшенные» получают преимущества на рынке труда?! Или то, что ни автоматически становятся властителями. Тогда будет ли глобальная война или партизанщина по принципу «терять нечего».

Искушение улучшать людей с помощью био-, техно-, инфо-, когно- и прочих нанотехнологий. Описания некоторых усовершенствований просто пугают. Собственно, до господ-трансгуманистов все это уже неоднократно проигрывалось и анализировалось в антиутопиях. Ребенок, вынашиваемый отдельно от матери и генетически модифицированный - добро пожаловать в антиутопию «Прекрасный новый мир». Кому можно доверить такой процесс? Люди не согласятся с таким покушением на их свободу. Скажем, в фильме «Вечное сияние страсти» конфликтующая парочка воссоединяется после того, как у них стерли память друг о друге. Свобода важнее, пусть ее проявления и выглядят порой глупо.

А как, например, будут взаимодействовать существа, по-разному модифицированные. Сюжет для картины будущего: «Битва химер с киборгами»...

Аргументы за смерть и против катастрофы (Можно ли остановить Бенефис Армагеддона)

Цитата из подборки трансгуманистического юмора гласит: *«Наиболее шокирующее пророчество Кломпа заключается в том, что мы, обезьяны, исчезнем полностью или частично из пост-обезьяньего мира»*. Скорее полностью, чем частично – и речь не обезьянах, а о людях. Всерьез рассматривать пришествие Сингулярности или что-то подобное сейчас просто не имеет смысла, ибо в таком случае люди как вид и как цивилизация просто не выживут, их (то есть наша!) природа просто не вынесет подобных перемен. Раньше, когда глобальные перемены случались, например. При переходе от одного типа общества к другому, это сопровождалось массой различных катастроф, причем войны были среди них не самыми страшными. Даже осуществляемый в условиях относительного мира переход от индустриального общества к постиндустриальному вызвал к жизни то, что Ф.Фукуяма назвал «Великим разрывом»³¹ (Фукуяма, 2003). Этот переход сопровождался опасными для общества флуктуациями: ростом преступности и других асоциальных проявлений, ослаблением связи между поколениями, драматическими изменениями в семье и пр. А речь шла, по сути, «всего лишь» об изменении на рынке труда, в связи с развитием новых технологий.

Притом описанная глобальная трансформация тянется уже несколько десятилетий и люди имеют возможность к ней приспособиться, хотя и не очень успешно. Но если вдруг случится более резкий переход и в более короткие сроки, то это будет обозначать просто катастрофу для человеческой цивилизации, даже если гипотетический ИИ не приступит сразу к ее уничтожению.

Описание сценариев грядущих катастроф – это второе любимое занятие для трансгуманистов (первая – это реклама достижений дивного нового мира). Любопытно, что А.Турчин³² (Турчин, 2011, есть более ранние варианты), написавший книгу о путях к концу света, выступал именно как эксперт РТД и книга вышла под редакцией активистов трансгуманистического движения.

А.Турчин все так подробно описал и классифицировал, что добавить еще какой-то вариант конца света или комментариев по этому поводу весьма затруднительно. Тем не менее, нам все-таки кажется, что наиболее интересными (и опасными!) здесь являются варианты, не связанные с экстраполяцией традиционных угроз (типа «террористы получают атомную бомбу» или «маньяк применяет биологическое оружие»). Это, конечно, страшно. Но привычному сценарию глобальной угрозы легче противостоять, так как его легче спрогнозировать.

На порядок опаснее нечто новое, особенно в комбинации. Вот, например, смесь из биохакерства, абсолютного наркотика и программного сбоя. Тогда уж никто не выживет – наверняка. Даже «нано» доза этого коктейля будет абсолютно убойной. Повторим, что

трансгуманисты, вроде Данилы Медведева, чересчур оптимистично относятся к перспективам технологического развития и их социальным последствиям.

Возьмем, к примеру, одну из их любимых идей о конвергенции NBIC-технологий. Вроде бы взаимное усиление Нано - Био – Инфо- и Когнитивных технологий обеспечивает стремительный рывок в будущее и преодоление сегодняшних противоречий. Но оптимисты думали примерно так же и где-то в конце 19 – начале 20 века. Тогда идеи прогресса и аналога нынешней «глобализации» были даже еще более популярны, чем сейчас и воспринимались с большим энтузиазмом. Однако надежда на решение социальных противоречий с помощью научно-инженерных технологий оказалась несостоятельной. Наоборот, оно породило их страшное развитие в виде мировых войн и практики тоталитарных режимов, которые бы не смогли бы привести к таким огромным жертвам без новой техники. Тема «тоталитаризм и техника» хорошо раскрывается в статье Ю.Н.Давыдова³³ (Давыдов, 1991) и в ряде других работ.

Почему же сейчас должно быть иначе? Ведь основная масса новых технических чудес заказывается и испытывается военными, потом будет слишком сильное искушение пустить эти разработки в дело, «обкатать» каких-нибудь нано-роботов в реальной боевой обстановке. Многие новые изобретения связаны в ВПК, они опасны уже в силу того, что изобретались для убийства. Помимо милитаристов реальная угроза исходит из сросшихся с ними глобальной корпоратократии, «техноструктуры», являющейся, в общем, новым изданием «железной пяты». Однако новые средства позволят развязать такой геноцид, перед которым померкнут и жертвы 20 века и сочиненные в прошлом столетии антиутопии.

Для соответствующей технологии пропаганды. Скажем, инфо-технологии открывают возможности доставлять необходимую элитам информацию прямо в мозг массового человека. Доктор Геббельс и концерн Херста «отдыхают». Нет сомнения, что когнитивные технологии, наряду с информационными будут использованы как оружие, хотя бы в том, что именуется психологической войной. Нано – да и просто миниатюризация оружия повышают на порядки эффективность разведывательного сообщества и всяческих спецслужб. Они удержатся на грани мира, пусть и весьма относительного? А война с использованием оружия, действующие на основе новых технологических принципов? Новые биотехнологии оставляют далеко позади разработки японского «отряда» и опыты нацистских медиков в концлагерях. Эти угрозы уже весьма реальны. И их количество постоянно преумножается.

Если вспомнить фантастику, то например такой автор как Гарри Тартлдав написал пару циклов романов о второй мировой, добавив туда фантастический элемент. В серии, которая открывается «Флотом вторжения» этот флот инопланетян-ящеров вмешивается в ход второй мировой войны и земные державы объединяются для отпора пришельцам. Реальные политики выступают как действующие лица, только, к примеру, В.Молотову приходится болтаться в невесомости. Чтобы вести переговоры с адмиралом флота ящеров и говорить ему свое знаменитое «нет». В романе «Тьма сгущается» основные события второй мировой перенесены в фантастический мир, где вместо самолетов и танков люди воют на драконах и рогатых бегемотах, а аналог атомного оружия – это новые магические принципы. Так политическая конфигурация

воспроизведена и замаскирована со своеобразным юмором. Например, в аналоге Финляндии времен зимней войны 1939-40 года – очень жарко и люди ходят без одежды.

Будь я писателем фантастом, то использовал бы этот прием, чтобы создать роман (фантастический мир для серии своих бестселлеров), где битвы на Сомме или Курская дуга, нюрнбергские съезды или большой террор осуществляются при помощи конвергенции технологий НБИК. Скорее всего, логика повествования привела бы к Армагеддону.

Людям потребовались огромные усилия, чтобы, например, привыкнуть к наличию атомной бомбы. А смогут ли они адаптироваться и применить этот опыт, чтобы не начать воевать чем-то более современным? Скорее всего, нет – искушение применить оружие, основанное на каких-нибудь новых принципах, будет слишком велико. Представьте военные действия, которые ведутся теперь уже не только на суше, в воде, в воздухе, в космосе, но и микро-мире и т.д. (Отдельный вопрос, как новое оружие подействует на политическую элиту в рамках отдельных государств. Так, скажем, советские вожди после смерти Сталина, достигшие своего вырождения в геронтократическом политбюро, защищенные ядерным щитом, расслабились, и «сдали» страну «американским империалистам», от которых ядерное оружие вроде бы должно было защищать. Но в глобальном масштабе односторонняя капитуляция не спасает от гонки вооружений, меняются только детали «пазла». Так, в итоге политики Горбачева распался СССР, но военный бюджет США постоянно увеличивается. А других эффективных средств, кроме «равновесия ужаса», для борьбы с глобальными угрозами, столкновениями за те или иные виды ресурсов, пока не придумали. Гипотетическое «объединение человечества» под эгидой какого-нибудь мирового правительства – это, будет, скорее всего, путь к общемировому тоталитаризму, приближающему сроки Судного дня).

Особое место в списке глобальных угроз, связанных, в том числе и с конвергенцией новых технологий, занимает тема «бессмертия», а, если точнее, то значительного увеличения продолжительности жизни.

Сама тема «бессмертия» нещадно эксплуатируется трансгуманистами. Например, Д.Андреев не только пропагандирует идеи РТД, но и обзавелся криохранищем, где среди немногих экспонатов была голова умершей в Петербурге женщины. Ее мозг собираются оживлять. РТД приветствовало появление романа крайне плодовитого коммерческого фантаста Юрия Никитина «Трансфеловек» и дали писатели приз, за живописание грядущего воскрешения¹³. Совсем уже анекдотичным

¹³ Хотя есть более серьезный роман на сходную тему – «Пробуждение» Тины Дженкинс, где оживление головы, погибшего в XX веке врача, выглядит не столь счастливым событием. В романе живописуются «прелести» иммортализма. Жена сохраняет голову врача, убитого по заказу конкурента наёмным цветным мальчишкой. Через несколько веков голову оживают, соединив с телом казенного преступника. Воскресший даже имеет секс с той, кто занималась его оживлением. Но вместо подбоя рая пробудившееся сознание героя сталкивается с таким же жестоким и аморальным миром, где традиционные человеческие беды усугубляются еще вконец разбалансированной экологией и био-медицинским терроризмом. Пробудиться в таком мире после крионики – врагу не пожелаешь, но есть вечные ценности и т.д. Хотя детали крионики, скажем, в репортаже из уже существующих криохранилищ, могут оказаться страшнее самой смерти.

выглядит попытка РТД вести кампанию против фильма Даррена Ароноффски «Фонтан», когда трансгуманисты раздавали листовки перед сеансами, вели агитацию в Интернете и даже завели для этого специальный сайт. Напомним, что «Фонтан» - это многослойная философская притча, которая утверждает, что дар бессмертия, сок «Древа жизни» - это не такое уж безусловное благо. Кстати, кинематограф, как и литературная фантастика, всю задеиствованы в спорах по поводу бессмертия. Например, в фильме «Ренессанс» (прекрасная черно-белая анимация!) полицейский, ведущий расследование загадочных убийств, уничтожает, в конце концов, носительницу информации о методах достижения бессмертия, посчитав этот дар проклятием человеческому роду. Среди русских авторов можно отметить Михаила Попова с его романом «Плерома». В романе ведется философский спор со знаменитым «ужасником» Николая Федорова «Философия общего дела» и рядом идей т.н. «русского космизма». Эта незаурядная, по своим литературным достоинствам и философскому содержанию книга, прошла почти незамеченной для критики и публики, что совсем неудивительно в условиях «гламурного одичания». По-видимому, этим культурным одичанием можно объяснить то, что в России пока не появилось работ, хотя бы приближающихся по содержательности и глубине к книге Ф.Фукуямы о последствиях биотехнологической революции (несмотря на очевидную полемичность этого трактата)

В своей знаменитой книге Ф.Фукуяма посвятил этой теме отдельную главу³⁴, за что получил от активистов трансгуманизма и т.п. ярлык «биоконсерватора».

Но говорить о том, что «биоконсерваторы» - это сплошь ретрограды, по меньшей мере, наивно и/или нечестно. Они предубеждены против развития ряда технологий не потому, что им, скажем, не хочется покататься на космическом лифте, воспользоваться плащом из технологического тумана, конструирующего из атомов любой предмет или хотя бы заметно продлить свои дни за счет новых технологий. Просто эти консерваторы знают, как опасна такая новизна.

К проведенному Фукуямой анализу проблемы, в общем-то, добавить нечего, разве что, ещё раз напомнить, что обострение демографических проблем сопровождалось в истории войнами и революциями. Изменение продолжительности жизни (хотя бы на несколько десятков лет, что уже может быть вполне реальным научным и медицинским достижением), вызовет напряжение не только культурные и экономические последствия, но и серьезнейшее политическое напряжение. Главным фактором этого напряжения будет вопиющее неравенство между людьми и «постчеловеками». Последние усовершенствуются с помощью наномедицины или генетически будут запрограммированы по-другому. Но тогда это будут уже другие существа, с другой ментальностью. А если они не захотят усовершенствоваться, предпочитая «по своей глупой воле пожить» – как сейчас, например, когда большинство не спешит использовать возможности ИТ для самообразования.

Скорее всего, здесь просматривается вариант долгоживущих («джи») и короткоживущих («кжи») из «Часа быка» И.А.Ефремова. «Кжи» будут отправлять в храм нежной смерти в расцвете лет, а «джи» – будут менять себе тела, занимаясь творческим трудом и управлением.

Но – данная проблема не только для фантастических сюжетов. Любопытно ещё раз напомнить, что Ф.Фукуяма, провозгласил «конец истории», и победу либерализма, и вскоре стал конструировать уже новый «кливаж», раскол биоконсерваторов и трансгуманистов, оказавшись на стороне первых.

Напоследок мы бы обратили внимание еще на один только аспект проблему – проблему нового неравенства и новые опасности отношений с «чужими» (слово «ксенофобия» не дает нужных смысловых оттенков). Допустим, происходит скачок, человечество оказывается в новом состоянии благодаря нано-компьютерам и генетическому конструированию или даже с более скромными достижениями, которые, тем не менее, ломают привычные представления о природе человека. Но происходит ли этот скачок *одновременно*? Скорее всего, нет. Значит по-новому конструируются и политические расколы, и система социальной стратификации, неизбежность которой доказывал еще П.Сорокин, и которая будет так же неизбежна и пост-человеческом обществе. Новые технологии и райские возможности будут доступны первоначально меньшинству. Как будет реагировать большинство. Когда поймет, что ему не светит и терять, в общем, нечего. Удастся ли справиться с этим новым неравенством? И не начнется ли революция против олигархов, которых терпели, пока они воровали миллиарды, но не стерпят, когда те обретут неведомую ранее продолжительность жизни. В ответ или превентивно, глобальная олигархия перейдет к стратегии подавления и откажется даже от видимости демократии.

Механизм будущих революций, оборачивающихся геноцидом, тоже в принципе понятен. Есть меньшинство и большинство. Отношение к меньшинству двоякое. Оно может подавляться, дискриминироваться или преследоваться. В роли такого меньшинства могут выступать, допустим, и те, кто перестроил свой организм и стал уже не совсем человеком, благодаря хотя бы частичной кибергизации или химеризации. Или получает препараты для улучшения своих способностей, недоступных остальным. Это коллизия романа Нэнси Кресс «Испанские нищие», где появилась группа детей, могущих обходиться без сна и развивающих сверхспособности. Их сначала преследуют, а потом гадкий утенок превращается в лебедя. (См. также многочисленные спекуляции на тему детей – «индиго»). Но не воспользуются эти транс-люди, «гемоды» (ГЕнетически МОДифицированные) и другие подобные существа своими сверхспособностями хотя бы для того, чтобы отомстить? Гемоды борются, потом побеждают и – почему у них должна сохраняться мораль, которая, скажем, в основных чертах воспроизводится всеми мировыми религиями? С точки зрения морали существ, преодолевших барьер какой-нибудь Сингулярности, старый человек может и не заслуживать права на существование.

Другие могут быть и «чужими». Недавно я случайно прочел сетевой материал, о том, что политбюро компартии Кампучии во времена геноцида «красных кхмеров» состояло в основном из этнических китайцев¹⁴. Они и развязали в Кампучии невиданное по масштабам человекоубийство (3 из 7 миллионов населения), экспортировав туда и модель «культурной революции», и враждебность к соседнему Вьетнаму. Но если в самом Китае от перегибов маоизма удалось избавиться за счет внутренне политики, то оказалось, что геноцид **чужих** в Камбодже был

¹⁴ Цзен М. Возможен ли самогеноцид? // АПН.ру, 2011-09-20 <http://www.apn.ru/publications/print24931.htm>

неостановим изнутри, и его прекратила только вьетнамская армия, которой пришлось воевать с полпотовской Кампучией и освобождать ее от пришельцев. К сожалению, в природе человека привычка убивать чужаков, и эта традиция из времен первобытности перекочевала в наше время – вспомнить хотя бы страшный геноцид в Руанде в 1994 году. Примеры эти для большинства из нас экзотичны, однако аналогии с российской историей последнего столетия более чем прозрачны.

Чужие, появившись в инокультурной (иноприродной) среде будут ее ломать и перестраивать под себя, ухудшая привычный природный и культурный ландшафт вокруг, к которому привыкли «аборигены». За примерами далеко не надо ходить - достаточно поднять глаза и внимательно посмотреть вокруг. Появление биологически, генетически, технически отличных от людей существ вызовет такой геноцид, перед которым померкнут ужасы «красного террора» или «голодомора».

Перечень этих угроз можно продолжать очень долго. Но даже небольшого фрагмента достаточно, чтобы понять всю их серьезность и актуальность всестороннего изучения вызовов 21 века. Общая рекомендация по использованию новых технологических возможностей будет весьма банальной, но опирающейся на народную мудрость: «семь раз отмерь – один раз отрежь».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переслегин С. (2009) Новые карты будущего или Анти-РЭНД. - М: АСТ, 703 с.

² Крауч К. Постдемократия. - М.: ИД ГУ – ВШЭ. 2010. 192 с.

³ Крауч К. (2010). Постдемократия. - М.: ИД ГУ-ВШЭ. С.9.

⁴ Тоффлер, Э. (1999). Третья волна. - М.: АСТ,. — (784 с)

⁵ Про распространение демократии, ограниченной преимущественно участием в выборах, см.: Хантингтон С. (2003). Третья волна. Демократия в конце XX века. – М.: РОССПЭН. (368 с.)

⁶ См: Сорокин П.А. (1992). Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. (С. 297 – 426).

⁷ Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос. Философско-литературный журнал. 2005, №5. С.23 – 40.

⁸ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. - М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. (256 с.)

⁹ Фукуяма Ф. (1990). Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3.

¹⁰ Фукуяма Ф. (2004). Наше постчеловеческое будущее. - М.: АСТ. С.18-19. (352 с.)

-
- ¹¹ Фурсов А. Холодный восточный ветер // «Однако», 2011. № 01-02. Режим доступа - http://www.odnako.org/magazine/material/show_9512/
- ¹² Ефременко Д.В. (2006) Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. - М.: ИНИОН РАН. С.255
- ¹³ Программа коммунистической партии Советского Союза (1961) //КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1959 -1965) в 8 тт.Изд. восьмое, дополненное и исправленное /Под общ. Ред П.Н.Федосеева и К.У.Черненко. М, Политиздат - 1972 - С.293 (Т.8 – 568 с.)
- ¹⁴ Шишкин О. (2003). Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. - М: Ультра. Культура (320 с.)
- ¹⁵ См., например: Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Ред. Валерия Прайд, Андрей Коротаев. - М Издательство: ЛКИ. 2008 г. (а также многочисленные Интернет-материалы подобного рода).
- ¹⁶ Лекция Рональда Бэйли Развитие технологий: возможности и проблемы 24 октября 2011, // <http://polit.ru/article/2011/10/24/Bailey/>
- ¹⁷ Джулиан Ассанж» « У нас здесь своего рода линия фронта...» (Интервью Д.Великовского) // Русский репортер – 2011 – №35 – 8-15 сентября – С.45.
- ¹⁸ Аганбен Дж. (2008). Грядущее сообщество // Социологическое обозрение Том 7. № 2. 2008. С.50.
- ¹⁹ См., например: Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице» / Под ред. Гленна Йеффета. — М.: Ультра.Культура, 2003. — (312 с).
- ²⁰ Сабиров Р. Танцы на виртуальных столах // <http://punk.ru/old/articles/idea/cyberpunk.shtml>
- ²¹ Ефременко Д.В., Гиряева В. Н., Евсеева Я.В. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // ????
- ²² Аршинов В. И., Горохов В. Г. Социальное измерение NBIC-междисциплинарности // Философские науки. – 2010, № 6.
- ²³ Виндж В. (2004) Технологическая сингулярность. //Компьютера, 2004, 1 сентября. <http://www.computerra.ru/35636/>
- ²⁴ Джулиан Ассанж» « У нас здесь своего рода линия фронта...» (Интервью Д.Великовского) // Русский репортер – 2011 – №35 – 8-15 сентября – С.45.
- ²⁵ Аганбен Д. Homo Sacer. (2011) Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа. (256 с.)
- ²⁶ Шмитт К. (1992). Понятие политического // Вопросы социологии, 1992, №1.
- ²⁷ Ковалев В, Долгов А. ЯЩЕРЫ СРЕДИ НАС. (Смотрим сериал «Визитеры» - V)010). Ящеры среди нас // ИГПИ.ру, 2011 г, 11 января. - <http://igpi.ru/info/people/kovalev/1294773671.html>
- ²⁸ Сумерки и философия. Вампиры, вегетарианство и бессмертная любовь. Антология. - М.: United Press. 2010. (272. с)
- ²⁹ Шмит К. (2007). Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. - М.: Праксис. 301 с.
- ³⁰ Ковалев В., Долгов А. (2010) Про реальную российскую политику в зеркале американского фантастического сериала (Опыт о политическом дискурсе на примере произведения массовой культуры – «V») // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ. Вып. 10 / Под ред.О. В. Поповой. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. (С.35 – 48).
- ³¹ Фукуяма Ф. (2003). Великий разрыв. М.: АСТ. (352 с.)
- ³² Турчин А. В. (2011). Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. /Ред.Игорь Следзевский, Валерия Прайд М.: ЛКИ. .(432 стр.).

³³ Давыдов Ю. Тоталитаризм и техника // Полис, 1991, №4. С. 21 – 34.

³⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М. : АСТ – 2004 – С.87-106 (глава «Продление жизни»).